

Magdalena Janas*

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛАТИНСКОЙ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ
КИРИЛЛИЧЕСКОГО ТЕКСТА *ПЛАЧЕВНОЙ РЕЧИ*
ПО КАРЛУ XI ЮХАНА СПАРВЕНФЕЛЬДА**

ON THE PECULIARITIES OF THE LATIN TRANSLITERATION
OF THE CYRILLIC TEXT OF *THE FUNERAL SPEECH IN MEMORY*
OF CHARLES XI BY JOHAN SPARWENFELD

This article is devoted to the transliteration of J. Sparwenfeld's *The funeral speech in memory of Charles XI* (1697). It presents the characteristics of the conversion of the original (Cyrillic) text into the Latin script. The study also searches for an answer to the question of the inconsistency of the method of transliterating the given text.

Keywords: J.G. Sparwenfeld, transliteration, Russian language

Słowa kluczowe: J.G. Sparwenfeld, transliteracja, język rosyjski

Юхан (Иоганн) Габриэл Спарвенфельд (1655–1727), при жизни имевший репутацию видного государственного шведского деятеля, сохранил о себе в веках известность отнюдь не благодаря основным „профессиональным” занятиям. Сегодня о нем принято говорить как об ученом-слависте, трудившемся на ниве лексикографии, и это увлечение Спарвенфельд успешно разделял с любовью к путешествиям и книгам.

Пребывая по долгу службы за границей, он не только покупал рукописи и печатные издания – в том числе, на русском, церковнославянском, польском и латинском языках [Ягич, 1910, 65], но и без труда знакомился с содержанием помещенных в них текстов. В публикациях, освещающих

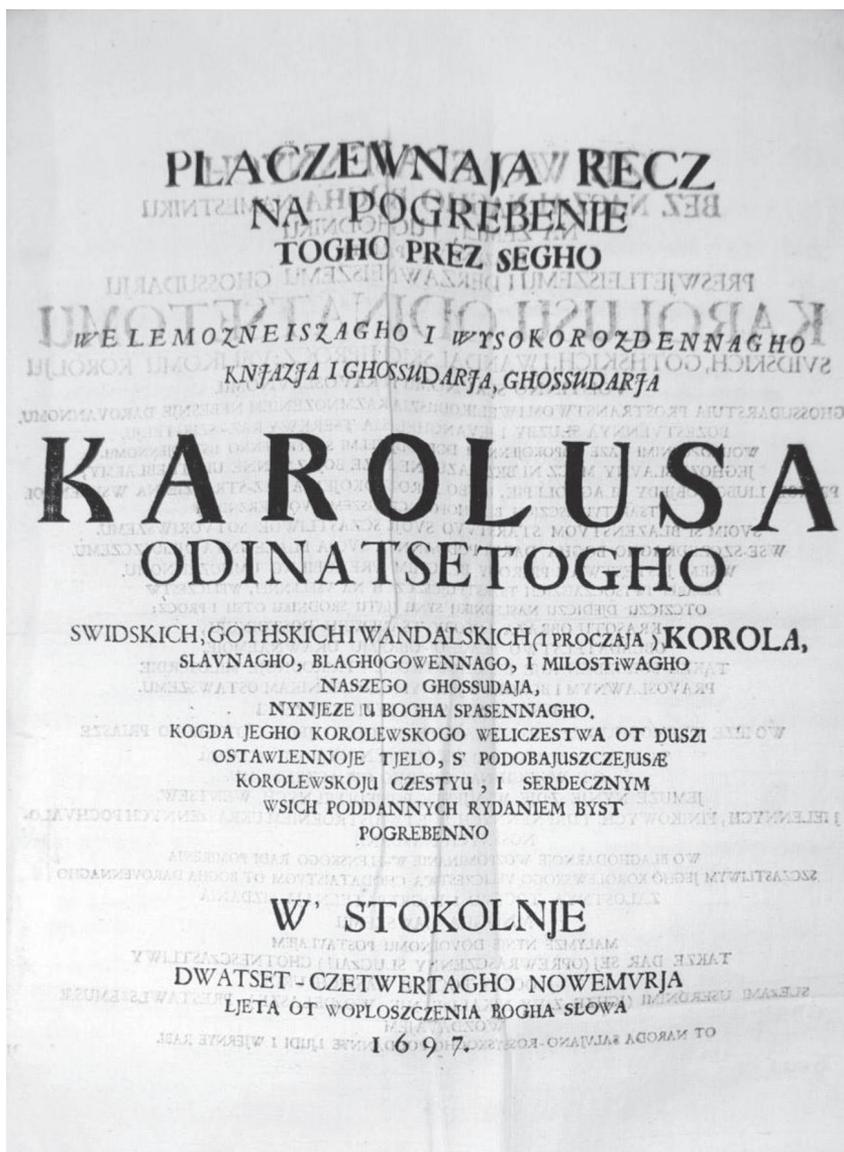
* Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego, ul. Romana Ingardena 3, 30-060 Kraków; e-mail: janas.magdalena@yandex.com.

жизненный путь ученого, говорится о том, что он владел 14 или даже 17 иностранными языками [Берков, 1964, с. 67; Ягич, 1910, с. 64], но все-таки лучше всего освоил церковнославянский и русский – среди современников слыл настоящим знатоком этой материи.

Возможностей для изучения, а потом совершенствования этих языков судьба предоставила Спарвенфельду достаточно. В 1684 году молодой дипломат отправился в Москву в составе шведского посольства. Первоначально Спарвенфельд планировал вернуться на родину спустя полгода, однако, получив разрешение шведских властей, решил остаться в России. За время своего трехлетнего пребывания в России он продолжал изучать язык и историю государства, совершал поездки в различные регионы страны [Черепнин, 1961, с. 470–471]. Дипломат вернулся в Стокгольм в 1687 году и сразу же принялся за обобщение своих знаний о Московии – описывал историю и географию увиденной и изученной страны, занялся составлением учебника по русскому языку и словарной работой. Попытки напечатать результаты лексикографической деятельности ученый предпринимал (к сожалению, безуспешно) до конца своей жизни [Бирегорд, 2012, с. 49].

Сегодняшние исследователи, имея возможность обращения к опубликованному, наконец, главному труду Спарвенфельда – четырехтомному славяно-латинскому словарю *Lexicon Slavonicum* [Sparwenfeld, 1987; 1988; 1989; 1990], плоду двадцатилетней работы шведского слависта – могут лишний раз убедиться в очень хорошей лингвистической подготовке автора, его тщательности в работе, а также безупречном владении упомянутыми языками. При этом не стоит думать, что эти знания были сугубо научными, замкнутыми в рамки словарных трафаретов с иллюстрациями в виде записанных примеров. Спарвенфельд освоил русский язык настолько, что писал на нем стихи [Петровский, 1914, с. 534–538].

Вместе с тем во всем русскоязычном наследии ученого имеется один текст, который не только стоит особняком, но и отчасти нарушает изложенные выше представления о лингвистической скрупулезности Спарвенфельда. Это торжественная надгробная речь в честь шведского короля Карла XI, известная под названием *Placzewnaja recz na pogrebenie [...]* *Karolusa Odinatsetogho*.

Титульный лист *Плачевной речи*

Монарх умер 5 апреля 1697 года, а речь была произнесена в Стокгольме спустя полгода после смерти – 24 ноября, в годовщину дня его рождения. Сочинение Спарвенфельда по горячим следам было издано в типографии

и увидело свет в виде восьми страниц: заглавного листа, основного текста речи (6 страниц) и последней страницы, на которой помещено стихотворение, начинающееся словами *Imze wostocznoje solntse siajet...* Этот старопечатный памятник представляется интересным и даже загадочным по нескольким причинам.

Во-первых, раритетный текст – в наше время известны всего лишь два его экземпляра [Быкова, 1958, с. 449] – формально не содержит указания на автора. Имя Спарвенфельда нигде не напечатано, однако давно замечено, что первые буквы четырех последних слов *Плачевной речи*, набранные особенно крупным по сравнению с остальным текстом шрифтом – *Jstinnym Gorkogo Serdsa Finikom*, представляют инициалы автора.

Во-вторых, не может не удивлять то обстоятельство, что *Плачевная речь* была составлена на церковнославянском языке русского извода. Как ее автор, так и усопший король были шведами, да и обнаружен этот текст в столице скандинавского государства. Разгадкой казуса уже на протяжении многих лет занимаются представители разных гуманитарных наук. Еще в советское время авторитетный книговед Татьяна Александровна Быкова высказала предположение, что Спарвенфельд хотел показать достоинства усопшего короля русскоговорящему населению, проживавшему после присоединения прежде русских земель к Швеции под властью скандинавского монарха [Быкова, 1958, с. 449–450]. В свою очередь Улла Биргегорд, шведская учено-исследовательница жизни и лексикографической деятельности Спарвенфельда, в целом разделяющая точку зрения Быковой, добавляет, что текст, вероятно, готовился для распространения среди русскоязычных жителей, но до реализации замысла, по всей вероятности, не дошло. При этом Биргегорд допускает также возможность того, что издание речи в печатном виде могло объясняться просто желанием властей документировать торжественное и траурное событие [Биргегорд, 1995, с. 26–27].

В-третьих, недоумение вызывает тот факт, что речь напечатана латиницей, что удивительно, в частности, потому что Спарвенфельд утверждал: русские тексты следует печатать кириллицей, а попытки их транскрипции / транслитерации обычно оказываются неудачными и не отражают особенностей языка [Биргегорд, 2012, с. 59].

Лингвистический интерес к транслитерированной версии *Плачевной речи* подогревает то обстоятельство, что отраженные здесь правила передачи русского слова латинским алфавитом представляются излишне нестрогими и не совпадают с теми, что наблюдаются в других – заведомо авторских – пробах транслитерационной практики Спарвенфельда.

В настоящей статье постараемся представить эту нехарактерную для шведского слависта систему транслитерации текста *Плачевной речи* и выяснить причину наблюдаемой неупорядоченности. Сразу отметим, что рассмотрению будет подвергнут основной текст произведения (вместе с заглавным листом) без текста стихотворения, так как в последнем способы передачи отдельных знаков кириллического алфавита в ряде случаев отличаются от тех, которыми передается прозаическая *Плачевная речь*. Что касается текста виршей, то он уже анализировался – в том числе с интересующих нас позиций [Биргегорд, 1995].

Результаты наших наблюдений отражены в таблице соответствий кириллических и латинских букв вместе с примерами употребления. В качестве оговорки следует подчеркнуть, что оригинальный текст печатался прописными буквами; в таблице же – для облегчения восприятия записи – пользуемся строчными знаками. Кроме того, не учитываем нюансов дифференциации некоторых букв кириллического алфавита, служивших обозначению одного и того же звука (напр., о – ѿ, и – ї, ѣ – у, ѡ – ѡ и т.д.). Таковые воспроизводятся у нас по „основному” варианту, хотя, вероятно, в подлиннике Спарвенфельда различия в употреблении букв выдерживались.

ТАБЛИЦА – Способы передачи знаков кириллического алфавита

а	a	
б	b	
в	w v vv u	weliczestwa, wszech, korolewskiego veliczestwa, voistinno, pravoslavnomu vveliczestvva, zakonovv, vvjeczny udobstuom, suoim
г	g gh	gorkogo, ognja, dostignuti, mnogo ghorko, bogha, ghossudar, mnogha
д	d	
е	e ie je	porubeznye, vselennei, perun iest, ieze, nierazdjelimya jezeby korolewskoje
ж	z	derzawi, mozno
з	z s	bez, zemli, wzaimnya, slezy snamenitijch, besmiernoje, swjezdy
и	i j y	i, iz, blagimi, naszich, zivy j, jz, slezamj, primjreniach dykowina

и [j]	i j	wselennoi, dostoinuju dwenadesjatij, ghordij, stjazanij
к	k c	Karolusa, korola, jazykovv Carolus, scoreje
л	l	
м	m	
н	n	
о	o	
п	p	
р	r	
с	s z	serdecznym, wsegda, segho, nas wozpominanie
т	t th	czistoty, prestupiti, pitati, prestole gothskich, the
у	u v	krasotu, trudno, ukrepiti, muzestwo zertvv, mvzestwo
ф	f ph	fenix, finikom, fortuna philosowskoje
х	ch	chotja, swoich, poddanych
ц	ts	tserkwy, wentsew, tsarei
ч	cz tsch	naczalnagho, weliczestwa, zakluczaet natschalnoi
ш	sz sch zh	duszu, raz-sziritelju, ukraszennyh pokazasche welikoduzhia
щ	szcz szcz szc	tsarstvujuszich, zwenasczuju tsarstvujuszczich, woploszczenia preimuszczestwo
ы	y i	czistoty, nrawy, spasennyh derzawi, kraini
ѣ	e ie je	blagholepie, istlenie, sewernaja dielo, bielost, pobieduju milostivjeiszemu, pobjedy
ю	u iu ju	korolu, ludei liubo, liudem beziernuju, ljudi, zemlju
я	a ia ja æ	postavlaem, ukreplajut iaze dvorjanskich, slavjano-rossyskogho obesczaszesæ, podpiszjutsæ

Некоторые особенности записи, наблюдаемые в *Плачевной речи*, нуждаются в дополнительном комментарии.

Так, кириллическому *z* соответствует либо знак **g**, либо диграф **gh**, причем первый из названных вариантов в *Плачевной речи* превалирует. Чем руководствовался автор транслитерации, прибегая к такому разделению? Со ссылкой на довольно строгую практику тех лет можно предположить, что перед нами графическая фиксация отличия взрывного [g] и фрикативного [ɣ]. Однако в *Плачевной речи* наблюдаем употребление на месте *z* разных латинских буквенных знаков в одной и той же позиции. Подсчеты показывают, что, например, в окончаниях род. падежа ед. числа прилагательных и местоимений мужск. и средн. рода примеры передачи буквы *z* с помощью сочетания согласных **gh** (*amerikanskogho, iedinnagho, samagho, svvojegho*) составляют около 60% фиксаций. Как видим, процент „конкурентных” параллелей (*gorkogo, welikago, perednogo, vvsakago* и др.) уступает лишь немногим. А кроме того, встречаются примеры обращения к разной практике записи одной и той же словоформы (ср. *jego – jegho, korolewskogo – korolewskogho, wselenskogo – vvselenskagho*). Получается, что дифференциация взрывного и фрикативного характера звуков [g] и [ɣ] в транслитерированном тексте *Плачевной речи* обозначения не получает, а используемые буквенные знаки *g – gh*, не имея различительных характеристик, могут произвольно заменять друг друга.

Подобная непоследовательность наблюдается также при передаче кириллических **e** и **ъ**. Начальному **e** в тексте *Плачевной речи*, как правило, соответствует диграф **ie** или более употребительное сочетание **je** (*iest, ielennych, iegho/iego* наряду с *jegho/jego, jevaghleksia, jeze*), хотя имеются разовые исключения (*ewropu*). Неурегулированность системы в этом отношении иллюстрирует также запись *iedinna – jedinnomu – edinnoiu*, тем более, что все эти слова встречаются в тексте практически в одном и том же фрагменте. Очередным свидетельством отсутствия строгости правил транслитерации могут служить примеры, в которых **e** употребляется после гласного – в такой позиции данный знак передается как **ie/je** (*dobrovvolnoje, jasnoje, sojedinenia, swojego, zalezet, urawnaemoie*) или – гораздо реже – как **e** (*szczastliwoe, wziraem, nauczaet, poghibaemago, ustroeniem*). После согласного описываемая буква почти последовательно воспроизводится обращением к **e** (*fenix, mecz, nezeli, roditel*). Исключения фиксируются в случаях передачи отрицательной частицы *ne*, которая в печатном тексте обретает формы *ne, nie, и nje*, а также при транслитерации слова *sliezami* (но также *slezamii*).

Буква **ŕ**, в свою очередь, тоже передается посредством **e** (*istlenie, reka, sosedniki*), **ie** (*wezdie, sienodieistwo*) и **je** (*gdje, ljeta, wjechnuju*). Наиболее наглядное проявление непоследовательности находим в фиксациях: *dielo – djelech, niekogda – njekoda, wsiech – wsjech – wsech, wieru – vjery, namiestnikom – namestnik, nasljednik – nasledniki, tjelo – telesnym*.

Заметим, что буквы **e** и **ŕ** передаются при транслитерации одними и теми же знаками, то есть не дифференцируются.

Очередным знаком, воспроизводимым в печатном тексте несколькими вариантами, является **ю**. Как можно было бы ожидать, после гласного данная буква передается посредством диграфа – **iu/ju** (*proliwaiut, spresvjuatuiu, djeiuszczemu, korolewskoju, vozdajut, svoju*). В позиции же после согласного **ю** соответствует **u/ju**. Как видим, и здесь правила транслитерации не избежали „накладки” вариантов. Для подтверждения сошлемся на окончания дат. падежа существительных мужск. рода с основой на мягкий согласный: *korolju, ghossudarju, obladatelju*, но *korolu, zjatu*. А вот примеры графической непоследовательности передачи, отраженной в корнях слов: *ljubo – liubo, ljudem – liudem*.

Аналогичная характеристика сопровождает практику транслитерации кириллической буквы **я**. Как правило, она передается как **ja** – в начале слова (*jako, jazyk*), после гласных (*bojaznenne, pokajanie*) и после согласных (*svvjataja, ognja*). Однако в тексте *Плачевной речи* наблюдаются и отклонения: *iaze, vvselenskaa, wsa* (но также *wsja*), *korola* (но *korolju*, см. выше). К тому же, встречаем и иной способ передачи **я**: в возвратной частице *-ся* (и еще в одном только слове) ей соответствует латинская лигатура **æ** (*podobajuszczelusæ, podpiszjutsæ, uczitisaæ*, а также *knijæz*).

При знакомстве с текстом *Плачевной речи* Спарвенфельда можно также заметить, что в большинстве случаев после предлогов **в** и **к** употребляется паерок в виде поднятой кверху запятой (’), хотя данная практика и не является последовательной (ср., напр., *w’ mjeste/vv’ mjeste, w’ dowod, k’ smerti, k’ priszestvvu* но *w serdsach, w zertvv*).

Результаты представленных наблюдений дают возможность утверждать, что во всех проиллюстрированных употреблениях отсутствуют какие-либо особые причины, которые могли бы оправдать вариативность транслитерационных операций, наблюдаемую в тексте Спарвенфельда¹. Самые нагляд-

¹ Любопытен тот факт, что вирши, помещенные на последней странице печатного издания *Плачевной речи*, отражают несколько видоизмененную систему (если о системе вообще можно говорить) передачи отдельных кириллических знаков. Не углубляясь в тонкости используемой здесь модели транслитерации, отметим, что даже при беглом взгляде на

ные тому свидетельства дают многочисленные случаи записи форм одной и той же лексемы с помощью разных знаков латинского алфавита. Кроме уже приведенных, дадим другие примеры такой разбалансированной передачи: *swidskich – svidskich – svvidskich, besmiernaja – bezmjernoje, Karolusa – Carolus, muzestwa – mvzestwa, zitija – zitia, czudom – czjudo, serdsa – serza, placzewnaja – placzevnaja, weliczestwa – veliczestwa, blagimi – blaghimi* и др.

Представленная картина языковой (пусть только в области графики) нечеткости набора русского текста непременно должна обернуться постановкой вопроса о причинах неупорядоченности при транслитерации кириллических букв. Наиболее правдоподобным объяснением факта ослабленной системности графики текста может служить предположение, что передача *Плачевной речи* латинскими знаками осуществлялась не ее автором, а кем-то другим. На непричастность Спарвенфельда к этой операции указывает, в первую очередь, практика работы слависта с иными кириллическими текстами, которые он брался передавать с помощью латиницы.

Источниками сведений о транслитерационной практике составителя *Плачевной речи* могут послужить три текста из наследия шведского слависта: стихотворение, изданное в сочинении *Exercitatio Historico-Theologica* Н. Бергиуса и перепечатанное в начале XX века Н.М. Петровским [Bergius, 1722; Петровский, 1914, с. 534–535], отправленные Г. Лейбницу фрагменты Библии, включенные адресатом письма в *Collectanea etymologica* [Leibniz, 1717, с. 354–357], а также таблица передачи кириллических знаков латинскими буквами, составленная Спарвенфельдом на просьбу того же Г. Лейбница [Ягич, 1910, с. 62; Биргегорд, 2012, с. 54]. Названные тексты по объему, правда, намного уступают „плачу” по Карлу XI, но тем не менее в них отражается предлагаемая Спарвенфельдом система транслитерации.

Самые значительные ее отличия от рассмотренной поливариантной касаются написания шипящих согласных. В воспроизведенных в заведомо авторской версии текстах Спарвенфельд **ч** последовательно передает как *tsch*, **ш** как *sch*, **щ** как *schtsch*, а **ж** как *s'ch* (в *Collectanea etymologica* как *sch*, что совпадает с транслитерацией знака **ш**). При этом видно, что ученый ориентировался на шведскую (или немецкую) графику. В *Плачевной речи* перечисленные буквы передавались – не считая единичных отклонений – как *cz*, *sz*, *scz*, *z*, т.е. скорее соответствовали правилам польской записи. Различия в приемах транслитерации кириллических знаков касаются также

запись стихотворения можно обнаружить, что, напр., буква **ш** передается как *sch* (в основном тексте речи – *sz*), **щ** чаще всего воспроизводится как *tz* (такая запись в анализируемом выше материале не встречается), нет ни одного примера передачи **в** через *vv* и т.д.

возвратной частицы *-ся*: в *Плачевной речи* она последовательно передавалась как *-sæ*, в то время как в других транслитерированных Спарвенфельдом источниках ей соответствуют сочетания букв, указывающие на мягкость согласного (*-sja/-sjæ*). Среди прочих различий выделим отсутствие соответствий в передаче буквы *з*. Если в собственноручно написанных текстах Спарвенфельд в качестве ее эквивалента дает *s*, в *Плачевной речи* параллель *з – s* фиксируется всего несколько раз².

Представленные различия могут свидетельствовать только об одном: графическое „оформление” авторских текстов Спарвенфельда и его „плача” совершено разными людьми. Степень варьирования транслитерационными образцами *Плачевной речи* говорит скорее о неупорядоченности графики текста, чем о ее вариативности.

Такой специалист в области славянских языков и педант в научной работе, каким являлся Спарвенфельд, вряд ли мог допустить столь большое количество графических разночтений. К тому же, как уже отмечалось, следует также учитывать, что шведский лингвист вообще возражал против транслитерации кириллических текстов.

К числу аргументов в подтверждение правоты выдвинутого тезиса можно отнести также следующее наблюдение: в графике *Плачевной речи* можно усмотреть ориентацию на польскую графическую систему (она реализуется, в частности, в передаче шипящих), Спарвенфельд же, как было показано, в своих работах прибегал к шведской/немецкой графике.

Поскольку обстоятельства работы над передачей текста речи латинскими знаками доподлинно неизвестны, можем высказать предположения о причинах описанной графической неурегулированности.

В основе первой гипотезы лежит учет факта, уже неоднократно отмечавшегося в научной литературе. Известно, что в типографии, взявшейся напечатать текст *Плачевной речи* не было кириллического шрифта. Пробы его приобретения для издания другой работы Спарвенфельда – его славянского словаря – были предприняты в начале XVIII века, но успеха не имели [Люстров, 2008, с. 21–22].

² В числе различий в графике текста *Плачевной речи* и стихотворения, оказавшегося в книге Бергиуса, не может, конечно же, фигурировать параллель *ѿ – w*, обозначившая себя в виршах только потому, что в типографии не было соответствующего *w* курсивного знака. Поэтому только в напечатанном курсивом начальном фрагменте, относящемся к Евангелию от св. Луки (*Lucæ 21. vers. 15*), мы читаем: *As bo vvam usta davvat, i Mudrost is vvishinijch poslati Budu, davvams'che nikto, nje Mogby protivv ghlagholati*; в самом же стихотворении Спарвенфельда, данном прямым шрифтом, *ѿ* последовательно передается как *w* (*wostotschnych, wjeka, Njewjes'chdo, prowos'chdati* и др.).

Предлагая вторую гипотезу, ссылаемся на мнения тех исследователей, которые полагают, что представление *Плачевной речи* в форме с латинским буквенным набором должно было сделать текст более подходящим для местного, но нешведского читателя.

Все говорит о том, что и в одном, и другом случае транслитерировал текст не автор, а кто-то другой, не разбирающийся в тонкостях русского языка и его орфографии. Наглядное тому подтверждение усматриваем в том факте, что автор транслитерации не учитывал в своей работе имеющихся в русском оригинале титлов и выносов. Так, лексеме *отец*, или скорее форме ее род. падежа, соответствует вариант *otsa*, который указывает, согласно используемым здесь правилам транслитерации, скорее на кириллическое *оца* или *отса*. Данное слово писалось под титлом **оца**, чего не заметил или не смог передать человек, взявшийся транслитерировать текст речи. Похожее замечание может распространяться и на существительные на *-ье* с выносом предшествующего согласного. В печатной *Плачевной речи* в словах, содержащих такие сочетания, в большинстве случаев наблюдаем *-ie*, *-ia*, *-iu* (напр., *zelanie*, *blagholepie*, *blagho-obraziu*, *welikoduszia*), но имеются также и йотированные фиксации (в том числе, *djejanijach*, *blagodensvviem*, *tsarstwiju*). Подобная практика могла бы указывать на дифференцированное написание в кириллическом оригинале церковнославянских и русских форм: первые проявляли бы склонность к использованию, например, *-ние*, *-нию*, *-ния*, вторые скорее оканчивались бы на *-нье*, *-нюю*, *-нья*, при этом суффиксальный согласный писался бы с выносом, что не было учтено при транслитерации.

В своей публикации мы постарались показать, что очевидная графическая неупорядоченность текста *Плачевной речи* скорее не была связана с автором произведения. Но если бы сам Юхан Габриэл Спарвенфельд в силу каких-то непонятных и неподвластных логике причин приложил к тому руку, репутация большого ученого ни в коей мере от этого бы не пострадала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕРКОВ Павел Н., 1964, *Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха)*, в: П.Н. Берков, И.З. Серман, ред., *Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. Сборник 6*, Наука, Москва–Ленинград, с. 61–81.

- БИРГЕГОРД Улла, 1995, *Плачевная речь по Карлу XI-ому на русском языке*, „Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies”, т. 24, Stockholm, с. 25–37.
- БИРГЕГОРД Улла, 2012, *Вопросы славистики в переписке Г.В. вон Лейбница и Ю.Г. Спарвенфельда*, в: *Slavica Litteraria. Supplementum 2. Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов*, с. 47–60.
- БЫКОВА Татьяна А., 1958, *К истории тонического стихосложения (Неизвестное произведение И.Г. Спарвенфельда)*, в: П.Н. Берков, ред., *XVIII век. Сборник 3*, Издательство АН СССР, Москва–Ленинград, с. 449–453.
- ЛЮСТРОВ Михаил Ю., 2008, *Русско-шведские литературные связи XVII–XVIII вв.*, в: *Герменевтика древнерусской литературы, Сборник 13*, Москва, с. 13–272.
- ПЕТРОВСКИЙ Нестор М., 1914, *Analecta metrica III–VI (окончание)*, „Русский филологический вѣстник”, т. LXXI, Варшава, с. 506–538.
- ЧЕРЕПНИН Лев В., 1961, *Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции*, „Труды отдела древнерусской литературы”, т. XVII, Москва–Ленинград, с. 454–481.
- ЯГИЧ Игнатий В., 1910, *Исторія Славянскої Филології*, Типографія Імператорскої Академії Наукъ, Санктпетербургъ.
- BERGIUS Nicolaus, 1722, *I. N. D. Exercitatio Historico-Theologica*, Lipsæ.
- LEIBNIZ Gottfried Wilhelm, 1717, *Illvstris viri Godorf. Gvilielmi Leibnitii Collectanea etymologica*, Hanoveræ.
- SPARWENFELD Johan Gabriel, 1987–1990, *Lexicon Slavonicum*, t. I–IV, Almqvist & Wiksell International, Uppsala.

Magdalena Janas

O OSOBLIWOŚCIACH ŁACIŃSKIEJ TRANSLITERACJI CYRYLICKIEGO
TEKSTU MOWY POGRZEBOWEJ NA CZEŚĆ KAROLA XI
JOHANA SPARWENFELDA

Streszczenie

Niniejszy artykuł poświęcony jest sposobowi transliteracji tekstu mowy pogrzebowej na cześć Karola XI, napisanej przez szwedzkiego dyplomatę i znanego sławistę-leksykografa J. Sparwenfelda. *Placzewnaja recz na pogrebenie [...] Karolusa Odinatsetogho* (1697) jest dziełem niezwykłym, została bowiem napisana w całości w języku cerkiewnosłowiańskim redakcji ruskiej i wydrukowana

czcionką łacińską. W pracy przedstawiono metodę konwersji oryginalnego – cyrylicznego – tekstu na alfabet łaciński. Analiza materiału źródłowego wykazała, iż sposób transliteracji poszczególnych znaków jest zróżnicowany niekiedy do takiego stopnia, że czytelnik zauważa niekonsekwencję zapisu nawet w obrębie jednego leksemu. Należy ponadto zaznaczyć, że w transliteracji widoczna jest orientacja na polską ortografię. Pod tymi względami *Placzewnaja recz* znacząco różni się od innych rosyjskojęzycznych tekstów, które Sparwenfeld zapisał znakami alfabetu łacińskiego. Taka rozbieżność może świadczyć o tym, że omawiana mowa pogrzebowa została odtworzona w nowej formie graficznej bez udziału Sparwenfelda.

ON THE PECULIARITIES OF THE LATIN TRANSLITERATION
OF THE CYRILLIC TEXT OF *THE FUNERAL SPEECH IN MEMORY*
OF CHARLES XI BY JOHAN SPARWENFELD

Summary

This article is devoted to the transliteration of the eulogy in honour of Charles XI, written by the Swedish diplomat and well-known Slavist and lexicographer J. Sparwenfeld. *The funeral speech in memory of Charles XI* (1697) is a unique and unusual source, since it was written entirely in Russian recension of Church Slavonic and printed with the use of the Latin script. The paper presents the method of conversion of the original (Cyrillic) text into the Latin script. The analysis of the source material has shown that the transliteration of particular characters varies significantly, sometimes to such an extent that the reader notices the record's inconsistency even within a single lexeme. In addition, it should be noted that the transliteration in some cases is consistent with the principles of Polish orthography. In respect of this, *The funeral speech...* significantly differs from other Russian-language texts written by Sparwenfeld in the Latin script. Such a discrepancy may indicate that discussed funeral speech was recreated with the use of Latin characters without Sparwenfeld's participation.